

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	Моральный ландшафт	1
Глава 1	Моральная истина	31
Глава 2	Добро и зло	63
Глава 3	Убеждения	129
Глава 4	Религия	167
Глава 5	Будущее счастья	205
	Слова признательности	223
	Комментарии	227
	Список литературы	289

МОРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

МОРАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

У народа Албании есть древняя традиция вендетты, которая называется «канун»: если мужчина совершает убийство, то семья жертвы может убить любого из его родственников мужского пола в качестве возмездия. Если мальчик имел несчастье оказаться сыном или братом убийцы, он должен проводить дни и ночи, скрываясь от родственников убитого, отказываясь от самого необходимого, от образования, медицинского обслуживания и удовольствий обычной жизни. Неизвестно, сколько албанских мужчин и мальчиков живут как заключенные в своих домах даже в наше время¹. Можем ли мы говорить, что албанцы руководствуются ложной моралью, организовав свое общество таким образом? Является ли их традиция кровавой вражды формой зла? Относятся ли их ценности к более низкому уровню развития, чем наши?

Большинство людей считают, что наука не может ставить и тем более отвечать на вопросы такого рода. Как мы вообще можем обсуждать в качестве научного факта, что один образ жизни лучше другого или более морален, чем другой? Чье определение «лучшего» или «морального» мы используем? В то время как многие ученые изучают эволюцию системы морали, а также стоящую за ней нейробиологическую структуру, цель их исследований заключается лишь в том, чтобы описать, как человеческие особи ведут себя и как думают. Разве кто-нибудь ждет, что наука скажет, как мы должны себя вести и как ду-

мать? Противоречия в сфере человеческих ценностей — это противоречия, о которых официальная наука не имеет собственного мнения².

Я бы утверждал, однако, что вопросы о ценностях — о смысле, системе морали и значимой цели в жизни — это вопросы о благополучии сознательных индивидуумов. Ценности, следовательно, переводятся в факты, которые могут быть поняты научно: это касается позитивных и негативных социальных эмоций, импульсов гнева, влияния конкретных законов и социальных институтов на человеческие взаимоотношения, нейрофизиологии счастья и страдания и т.д. Наиболее важные из этих фактов обязаны выходить за пределы культурных особенностей — просто как факты, касающиеся физического и душевного здоровья. Рак на холмах Новой Гвинеи — это такой же рак, как и где-либо еще; холера — такая же холера; шизофрения — такая же шизофрения; и я бы утверждал, что такими же являются и сострадание, и благополучие людей³. И если имеются важные культурные различия в том, каким образом люди достигают процветания — если, например, имеются несочетающиеся, но равно эффективные способы вырастить счастливых, интеллектуальных и творческих детей, — эти различия также являются фактами, которые должны зависеть от организации человеческого мозга. В принципе, это поможет нам объяснить, как культура делает нас нами, — в контексте нейронауки и психологии. Чем лучше мы понимаем себя на уровне мозга, тем больше понимаем, что имеются правильные и неправильные ответы на вопросы о человеческих ценностях.

Конечно, нам придется столкнуться с некоторыми давними разногласиями по поводу статуса моральной истины: люди, чье мировоззрение построено на религии, в целом верят, что моральная правда существует, но только потому, что Бог вплел ее в саму ткань реальности; в то время как те, кто не обладает такой верой в достаточной степени, склонны думать, что понятия о добре и зле должны быть продуктами эволюционного давления и культуры. Первая группа, говоря о «моральной истине», должна ссылаться на Бога, а вторая — говорить об обезьяньих инстинктах, культурных предрассудках и философской путанице. Моя цель заключается в том, чтобы убедить вас, что обе стороны в этом споре не правы. Эта книга должна побудить нас всех

начать разговор о том, как моральная истина может быть понята в контексте науки.

В то время как аргументы, которые я высказываю в данной книге, заведомо являются противоречивыми, они базируются на одной, очень простой предпосылке: человеческое благополучие полностью зависит от событий в мире и от состояния человеческого мозга. Следовательно, должны быть и научные истины, чтобы описать эти зависимости. Более глубокое понимание этих истин вынудит нас проводить точное разделение между различными образами жизни в человеческом обществе, сравнивать один с другим, выносить суждение о том, какой из них лучше или хуже, какой более, а какой менее соответствует фактам, а также какой более этичен, а какой менее. Очевидно, что такое понимание поможет нам улучшить качество человеческой жизни — и именно здесь заканчиваются академические дебаты и появляется выбор, оказывающий влияние на миллионы людей.

Я не предполагаю, что наука гарантированно разрешит все моральные противоречия. Различия во мнениях все равно останутся, но мнения будут все более и более ограничиваться фактами. Важно понимать, что наша неспособность ответить на вопрос ничего не говорит о том, имеет ли вопрос ответ: сколько человек было укушено комарами за последние 60 секунд? сколько из этих людей заразились малярией? сколько из них в результате этого умрут? Учитывая технические трудности, ни одна команда ученых, вероятно, не сможет ответить на эти вопросы. И однако, мы знаем, что каждый из этих вопросов имеет простой числовой ответ. Обязывает ли нас наша неспособность собрать соответствующие данные уважать все мнения по поводу данных вопросов одинаково? Конечно же нет. Точно так же наша неспособность разрешить определенные моральные дилеммы не предполагает, что все конкурирующие ответы на них являются одинаково обоснованными. По моему опыту, источником значительной путаницы в области морали является то, что люди — ошибочно — принимают выражение «нет ответа на практике» за выражение «нет ответа в принципе».

Например, в двадцати одном американском штате до сих пор законодательно разрешены телесные наказания в школах. Преподавателям действительно легально разрешается бить ребенка деревянной палкой, достаточно твердой, чтобы оставить синяки и даже содрать кожу. Сотни тысяч детей подвергаются таким экзекуциям каждый год, почти исключительно на юге страны. Нет необходимости говорить, что обоснование такого поведения определенно является религиозным: ибо сам создатель вселенной сказал, чтобы мы не обходились без телесного наказания, дабы не испортить ребенка (Притчи 13: 24, 20: 30 и 23: 13–14). Однако если мы действительно озабочены человеческим благополучием и обращаемся с детьми подобным образом, чтобы способствовать их благополучию, то должны спросить, разумно ли подвергать маленьких мальчиков и девочек боли, ужасу и публичному унижению в качестве способа их когнитивного и эмоционального развития? Вы сомневаетесь в том, что этот вопрос имеет ответ? Вы сомневаетесь в том, что важно знать, как поступить правильно? Однако все исследования показывают, что телесные наказания — это ужасающая практика, которая приводит к еще большему насилию и социальной патологии — и, в свою очередь, к еще большей поддержке телесных наказаний⁴.

Но более важно то, что ответы на вопросы подобного рода просто обязаны быть, независимо от того, знаем мы их или нет. И это не те области, где мы можем позволить себе просто уважать «традиции» и соглашаться или не соглашаться. Почему наука все чаще решает такие вопросы? Потому что разноречивые ответы, которые на них дают люди, — вместе с последствиями в части человеческих отношений, состояния ума, актов насилия, запутанности законодательства и проч. — переводятся в отличия в нашем мозге, в мозге других и в мире в целом. Я надеюсь показать, что, когда мы говорим о ценностях, мы в действительности говорим о взаимозависимом мире фактов.

Некоторые факты — как мысли и намерения возникают в человеческом мозге — нужно понять; некоторые факты — как эти ментальные состояния переводятся в поведение — нужно изучить; есть и такие факты — как это поведение влияет на мир и опыт других сознательных существ, которые нужно обнаружить. Мы увидим, что факты это-

го типа воплощают то, что мы можем с разумным допущением назвать «добром» или «злом». Они также все больше подпадают под сферу науки и идут значительно дальше, чем религиозная принадлежность человека. Мы увидим, что как нет понятия христианской физики или мусульманской алгебры, так и нет феномена христианской или мусульманской морали. Я утверждаю, что мораль должна рассматриваться как не вполне сформированная и не вполне развитая отрасль науки.

В своей первой книге «Конец веры» я высказал свой особый взгляд на «культурные войны» — как в США (между светскими либералами и христианскими консерваторами), так и в Европе (между по большей части нерелигиозными сообществами и растущим мусульманским населением). Получив десятки тысяч писем и сообщений по электронной почте от людей, находящихся во всех возможных точках континуума между верой и неверием, я могу сказать с некоторой уверенностью, что представление об ограничениях разума лежит в основе этих культурных разногласий. Все стороны убеждены, что разум бессилен ответить на большинство важных вопросов человеческой жизни. И то, как человек воспринимает пропасть между фактами и ценностями, влияет на его взгляды относительно каждого социально важного аспекта — от войн до образования детей.

Эта «пропасть» имеет разные последствия на разных концах политического спектра: религиозные консерваторы склонны верить, что на вопросы смысла и морали имеются правильные ответы, но только потому, что Господь Авраама так предрасположил⁵. Они признают, что обычные факты могут быть раскрыты посредством рационального исследования, но они убеждены, что ценности нисходят с небес. Библейский буквализм, нетерпимость к разнообразию, недоверие к науке, игнорирование реальных причин страдания человека и животных — встречаются слишком часто, так проявляется разделение фактов и ценностей на религиозном — правом — конце спектра.

Светские либералы, с другой стороны, склонны полагать, что на моральные вопросы не существует объективных ответов. В то время как Джон Стюарт Милль может соответствовать нашему культурному

идеалу добродетели лучше, чем Усама бен Ладен, большинство светских исследователей подозревают, что идеи Милля по поводу правильного и неправильного не продвигают нас ближе к истине. Культурное разнообразие, моральный релятивизм, политкорректность, терпимость даже к нетерпимости — все это знакомые последствия разделения фактов и ценностей на другом — левом — конце спектра.

Нас должно беспокоить, что эти два направления не наделяют человека одинаковыми полномочиями: светские демократы все более бессильны перед безрассудным рвением со стороны доброй старой религии. Непосредственное сопоставление консервативного догматизма и либеральных сомнений объясняет, почему в США было потеряно десятилетие исследований эмбриональных стволовых клеток, когда было запрещено выделять средства на исследования; это объясняет также годы политических раздоров, от которых мы страдали и будем страдать, — речь идет об абортах и однополых браках; это лежит в основе усилий принять законы против богохульства в ООН (которые сделали бы незаконной для граждан стран-членов ООН критику религии); это ограничивает Запад в его чередой войн против радикального ислама; и это может тем не менее превратить общества Европы в новый халифат⁶. Знание того, что Создатель Вселенной считает правильным или неправильным, воодушевляет религиозных консерваторов навязывать свое понимание в общественной сфере почти любой ценой; незнание того, что правильно — или того, что может быть по-настоящему правильным, — часто приводит светских либералов к отступлению и сдаче позиций в своих интеллектуальных стандартах и политических свободах.

Научное сообщество является преимущественно светским и либеральным — и от уступок, которые ученые сделали религиозному догматизму, просто голова идет кругом. Как мы увидим, проблема достигает Национальных академий наук и Национального института здоровья. Даже журнал *Nature*, наиболее влиятельное научное издание на земле, был не в состоянии выдержать свою линию и провести границу между обоснованными рассуждениями и религиозным домыслом. Недавно я изучил каждое появление термина «религия» в этом журнале за десять лет и обнаружил, что редакторы *Nature*

в целом приняли представление Стивена Дж. Гулда о «непересекающихся магистериях» — идее, что наука и религия, будучи правильно истолкованными, не могут находиться в конфликте, потому что они составляют разные домены экспертизы⁷. Как говорилось в одной из редакционных статей, проблемы возникают, только когда они «забрывают на территорию друг друга и вызывают неприятности»⁸. Подразумевается, что, в то время как наука является авторитетом в работах, касающихся физической вселенной, религия является авторитетом в вопросах смысла, ценностей, морали и благочестивой жизни. Я надеюсь убедить вас, что это не только неправда, а просто не может быть правдой. Смысл, ценности, мораль и благочестивая жизнь обязаны относиться к фактам, касающимся благополучия существ, обладающих сознанием, и, в нашем случае, должны подчиняться законам и быть связанными с событиями в мире и состояниями человеческого мозга. Рациональное, открытое и честное исследование всегда было подлинным источником знаний. Вера, если она и была права в чем-то, права по случайности.

Нежелание научного сообщества занять твердую позицию в отношении вопросов морали имело свою цену. Это отделило науку в принципе от наиболее важных вопросов человеческой жизни. Поп-культура часто воспринимает науку не более чем инкубатор для технологий. И хотя наиболее образованные люди признают, что научный метод создал массу новых препятствий для религии в отношении фактов, все же господствует не подвергаемая сомнению определенность (как внутри, так и вне научных кругов): наука ничего не может сказать в отношении того, что составляет правильную жизнь. Религиозные мыслители любой конфессии на обоих концах политического спектра едины в этом; в защиту веры в Бога человек чаще всего слышит не то, что есть неоспоримые доказательства Его существования, а то, что вера в Него и есть единственный надежный источник смысла и морального напутствия. Совершенно несовместимые религиозные традиции в настоящий момент прячутся за один и тот же лозунг.

Однако кажется неизбежным, что наука будет постепенно охватывать все более глубокие вопросы жизни — и это гарантированно спровоцирует обратную реакцию. То, как мы ответим на это столкновение точек зрения, конечно же повлияет на прогресс в науке, но это также может определить, достигнем ли мы успеха в построении глобальной цивилизации, основанной на разделяемых всеми ценностях. Вопрос, как люди должны жить в XXI столетии, имеет много конкурирующих ответов — и большинство из них наверняка неправильны. Только рациональное понимание, что такое человеческое благополучие, позволит миллиардам людей мирно сосуществовать, сходясь во мнении по общим политическим, экономическим и экологическим целям. Видимо, науке о человеческом процветании нужно пройти еще большой путь, но сначала мы должны признать, что эта интеллектуальная область действительно существует⁹.

В продолжение этой книги я ссылаюсь на гипотетическое пространство, которое я называю «моральный ландшафт», — пространство реальных и потенциальных достижений, вершины соответствуют высотам потенциального благополучия, а ущелья и низины представляют наиболее глубокие возможные страдания. Различные способы мышления и поведения — различные культурные практики, этические кодексы, режимы управления и проч. — будут переведены в движения по этому ландшафту и, следовательно, в различные степени человеческого процветания. Я не предполагаю, что мы должны обязательно найти правильный ответ на каждый вопрос морали или один наилучший способ жизни человеческих существ. Некоторые вопросы могут допускать много ответов, более или менее равнозначных. Однако множество пиков на моральном ландшафте ни в коем случае не делает их менее реальными или стоящими для открытия. И ничего не меняет в нашем понимании того, что значит быть на высоте и быть в глубокой пропасти.

Чтобы увидеть, что множественные ответы на моральные вопросы не должны ставить нас в тупик, рассмотрите наши взгляды на пищу: никто не будет спорить, что существует лишь один-единственный тип

пищи. И однако, объективная разница между здоровой пищей и ядом при этом сохраняется. Есть и исключения: например, некоторые люди могут умереть от арахиса — но мы можем объяснить это в контексте рационального обсуждения вопросов химии, биологии и здоровья. Несчетное количество продуктов питания не вынудит нас сказать, что мы не должны знать ряд фактов о потреблении продуктов питания или что все кулинарные стили должны быть одинаково полезны для человеческого организма в принципе.

Движение по моральному ландшафту может быть проанализировано на многих уровнях — от биохимии до экономики, — но в том, что касается людей, изменения будут обязательно зависеть от состояния и возможностей человеческого мозга. И хотя я полностью за консилиенс знаний в науке¹⁰ — и, следовательно, рассматриваю границы между научными специальностями как производную от принципов устройства университетов и как препятствие тому, что человек может узнать за свою жизнь, — первичность науки о мозге и других наук о сознании и психике для объяснения вопросов человеческого опыта не может отрицаться. Человеческий опыт демонстрирует все признаки того, что он определяется и реализуется в состояниях человеческого мозга.

Многие люди, видимо, считают, что универсальная концепция морали требует, чтобы мы нашли моральные принципы, которые не допускают исключений. Если, например, действительно лгать — это неправильно, то должно быть всегда лгать — это неправильно, — и если человек может найти одно-единственное исключение, то любое представление о моральной истине должно быть оставлено. Но существование моральной истины, то есть связи между тем, что мы думаем и как ведем себя, и нашим благополучием, не требует, чтобы мы определяли мораль в терминах неизменных моральных правил поведения. Мораль во многом похожа на шахматы: очевидно, есть принципы, которые применимы к игре в целом, однако они могут обладать важными исключениями. Если вы намерены научиться блестяще играть в шахматы, то такому принципу, как «не потеряй своего ферзя», почти всегда стоит следовать. Но этот принцип допускает исключения: иногда жертва ферзя — это прекрасная стратегия; время от времени

она является единственной, которой нужно следовать. Тем не менее остается фактом, что при любой позиции в шахматах будет набор объективно хороших ходов и объективно плохих. Если есть варианты объективной истины, которые нужно знать о человеческом благополучии, — например, доброта в целом скорее приводит к счастью, нежели жестокость, — тогда наука однажды должна оказаться в состоянии сделать очень точные утверждения о том, какие из наших моделей поведения и объектов внимания являются морально положительными, какие — нейтральными, а от каких стоит отказаться.

В то время как слишком рано говорить, что у нас есть полное понимание того, каким образом человеческие существа могут достигать процветания, постепенно развиваются некоторые объяснения. Рассмотрите, например, связь между опытом раннего детства, эмоциональной привязанностью и способностью формировать здоровые отношения на последующих этапах жизни. Мы знаем, конечно, что эмоциональное безразличие и оскорбления оказывают на нас негативное влияние — как на психологическом, так и на социальном уровне. Мы также знаем, что влияние опыта раннего детства должно быть реализовано в мозге. Исследование, проведенное на грызунах, говорит о том, что родительская забота, социальные связи и регуляция стресса управляются, частично, такими гормонами, как вазопрессин и окситоцин¹¹, потому что они влияют на активность системы вознаграждений мозга. Когда ставится вопрос, почему безразличие к детям в раннем детстве наносит ущерб их психологическому и социальному развитию, кажется обоснованным, что это связано с расстройством в той же самой системе.

Неэтично лишать детей нормальной заботы с целью эксперимента, но жизнь предлагает нам такие эксперименты каждый день. Чтобы изучить влияние эмоциональной депривации в раннем детстве, группа исследователей измерила концентрацию в крови окситоцина и вазопрессина в двух выборках: детей, воспитанных в классической семье, и детей-сирот¹². Как и ожидалось, дети, которых растило государство, в целом не получают нормального уровня заботы. Они также склонны сталкиваться с социальными и эмоциональными трудностями на последующих стадиях жизни. Как и предсказывалось, у этих детей не

был зафиксирован нормальный выплеск окситоцина и вазопрессина в ответ на физический контакт со своими приемными матерями.

Соответствующая наука о мозге находится в начальной стадии своего развития, однако мы знаем, что наши эмоции, социальное взаимодействие и интуиция в части морали взаимно влияют друг на друга. Мы растем, будучи настроенными на окружающих нас людей посредством этих систем, создавая культуру посредством этого процесса. Культура становится механизмом для дальнейшего социального, эмоционального и морального развития. Нет сомнений, что человеческий мозг является связующим звеном для этих влияний. Культурные нормы влияют на наше мышление и поведение, посредством изменения структуры и функционирования нашего мозга. Считаете ли вы, что сын — это более значимо, чем дочь? Является ли подчинение авторитету родителей более важным, чем честно докопаться до истины? Вы бы перестали любить вашего ребенка, если бы узнали, что он относится к сексуальным меньшинствам? То, как родители отвечают на эти вопросы, и последствия ответов для жизни их детей должны переводиться в фактический материал на уровне состояния их мозга.

Моя цель заключается в том, чтобы убедить вас, что человеческие знания и человеческие ценности больше нельзя разделять. Мир измерений и мир смысла со временем должны быть согласованы. А наука и религия — будучи прямо противоположными способами мышления об одной и той же реальности — никогда не примирятся. Фактически, различия во мнениях по вопросам морали просто раскрывают неполноту наших знаний; они не обязывают нас неограниченно уважать разнообразие во мнениях.

Факты и ценности

Шотландский философ XVIII столетия Дэвид Юм заметил в своем знаменитом высказывании, что ни одно описание существующего мира (факты) не может указать нам, как мы должны себя вести (мораль)¹³. Следуя за Юмом, философ Дж. Э. Мур заявил, что любая

попытка разместить моральную истину в естественном мире вела к «натуралистической ошибке»¹⁴. Мур утверждал, что добродетель не может быть приравнена к какому бы то ни было качеству человеческого опыта (например, удовольствие, счастье, эволюционное соответствие), потому что всегда уместно поинтересоваться, является ли само это качество добродетельным. Если, например, мы бы сказали, что добродетель является синонимом чего-то, приносящего человеку удовольствие, все равно оставалось бы сомнение, является ли конкретный пример удовольствия в действительности добродетельным. Этот постулат известен как философский «аргумент открытого вопроса» Мура. И, в то время как я считаю, что этого словесного капкана можно легко избежать, когда мы сосредотачиваем внимание на человеческом благополучии, большинство ученых и общественных мыслителей, по всей видимости, попали в него. Другие влиятельные философы, включая Карла Поппера¹⁵, вторят Юму и Муру по данному вопросу. Результатом явилось создание так называемой «огненной стены» между фактами и ценностями в наших интеллектуальных рассуждениях¹⁶.

Хотя психологи и специалисты в области науки о мозге сейчас уже повсеместно изучают человеческое счастье, положительные эмоции и моральные умозаключения, они редко делают выводы на тему того, как человеческие существа должны мыслить или вести себя в свете их открытий. На самом деле, считается, что для ученого интеллектуально недостойно и даже отчасти самонадеянно предполагать, что его или ее работа предлагает людям некое руководство, как они должны жить. Философ и психолог Джерри Фодор обобщает это мнение:

Наука оперирует фактами, а не нормами; она может рассказать нам о том, как мы существуем, однако она не может сказать нам, что же неправильного в том, как мы существуем. Не может быть науки о человеческом состоянии¹⁷.

В то время как редко эта мысль формулируется более четко, эта вера во внутренние ограничения мышления в настоящий момент является принятым мнением в интеллектуальных кругах.

Несмотря на то что большинство ученых воздерживается от комментариев на темы добра и зла, научное исследование морали и человеческого счастья развивается достаточно быстро. И это неизбежно ввергнет науку в конфликт с религиозной ортодоксальностью и обыденными представлениями — так же, как это делает наше растущее понимание эволюции, — потому что разделение между фактами и ценностями иллюзорно, по крайней мере в трех пунктах: 1) что бы ни было известно о максимизации благополучия сознательных существ — а это единственное, как я утверждаю, что мы можем рационально оценить, — оно должно на каком-то этапе быть переведено в факты о мозге и его взаимодействии с миром в целом; 2) сама идея «объективного» знания (то есть знания, полученного через объективное наблюдение и доказательство) имеет ценности, встроенные в нее так же, как каждое усилие, которое мы делаем, чтобы обсудить факты, зависит от принципов, которые мы должны изначально оценить (например, логическая последовательность, опора на доказательства, принцип экономии в теоретических обоснованиях и проч.); 3) убеждения в отношении фактов и убеждения в отношении ценностей, по-видимому, возникают из аналогичных процессов на уровне мозга: все более очевидно, что в мозгу есть общая система для вынесения суждения об истинности и ложности как фактов, так и ценностей. Я рассмотрю более подробно каждый из этих пунктов. Мы увидим, что четкой границы между фактами и ценностями просто не существует как в отношении того, что нужно знать о мире, так и в отношении механизмов мозга, позволяющих нам это узнать.

Многие читатели спросят, как мы можем основывать наши ценности на столь сложно определяемом понятии, как «благополучие»? Мне, однако, кажется, что концепция благополучия такова же, как и концепция физического здоровья: она сопротивляется попыткам дать точное определение, но, однако, она обязательна¹⁸. На самом деле я предполагаю, что значения обоих терминов будут постоянно пересматриваться, по мере того как будет идти научный прогресс. Сегодня человек может рассматривать себя физически здоровым, если у него

не выявлены болезни, он способен к физическим упражнениям и все говорит за то, что он доживет лет эдак до девяноста, не страдая от очевидной старческой немощности. Но этот стандарт может измениться. Если биогеронтолог Обри де Грей прав, рассматривая старение как инженерно-техническую проблему, которая допускает решение¹⁹, то способность пройти милю в свой сотый день рождения может перестать быть критерием здоровья. Может прийти время, когда неспособность пробежать марафон в возрасте пятисот лет будет рассматриваться как глубокая немощь. Такое радикальное преобразование нашего представления о человеческом здоровье не предполагает, что наши нынешние представления о здоровье и болезни являются произвольными, всего лишь субъективными или обусловленными культурой. В действительности разница между здоровым человеком и умершим является почти такой же ясной и логически последовательной, как и отличие, которое мы принимаем в науке. Разница между высотами человеческой удовлетворенности от достигнутого и глубинами человеческого несчастья не станет менее очевидной, даже если новые измерения ожидают нас и там и там.

Если мы определим «добродетель» как нечто, что поддерживает благополучие, а я утверждаю, что именно так мы и должны сделать, то регресс, инициированный «аргументом открытого вопроса» Мура, действительно останавливается. В то время как я соглашаюсь с Муром, что имеет смысл проявить интерес к тому, является ли максимизация удовольствия в любом конкретном примере «проявлением добродетели», не имеет никакого смысла спрашивать, является ли максимизация благополучия проявлением «добродетели». Ведь очевидно, что, когда мы задаем вопрос, является ли определенное состояние удовольствия «добродетельным», мы на самом деле пытаемся понять, является оно проводником или препятствием к какой-то более глубокой форме благополучия. Этот вопрос совершенно логичен; он, несомненно, имеет ответ (независимо от того, можем ли мы ответить на него); и тем не менее он привязывает представления о добродетели к опыту наделенных сознанием существ²⁰.

Определение добродетели, таким образом, не разрешает все вопросы ценностей; оно просто направляет наше внимание на то, чем

они действительно являются — набором мнений, выбора и моделей поведения, которые потенциально влияют на наше благополучие, а также благополучие других сознательных существ. И хотя это оставляет вопрос, что же такое благополучие, открытым, имеются все причины думать, что этот вопрос имеет конечный набор ответов. Принимая как данность, что изменения в благополучии сознательных существ обязаны быть продуктом естественных законов, мы должны ожидать, что это пространство возможностей — моральный ландшафт — будет все лучше и лучше освещаться наукой.

Важно подчеркнуть, что научное объяснение человеческих ценностей — то есть объяснение, которое помещает их непосредственно внутрь сети, связывающей состояния мира и состояния человеческого мозга, — и эволюционное объяснение — это не одно и то же. Большинство из того, что составляет человеческое благополучие в данный момент, не попадает ни в какой узкий дарвиновский расчет. В то время как возможности человеческого опыта должны быть связаны с мозгом, который построила для нас эволюция, наш мозг не был создан с прицелом на то, что с нами происходит сегодня. Эволюция никогда не могла предположить мудрости или необходимости создания стабильных демократий, уменьшения влияния изменений климата, сохранения других биологических видов от вымирания, сдерживания распространения ядерного оружия или много другого, что является критически важным для нашего счастья в этом столетии.

Как замечал психолог Стивен Пинкер²¹, если бы соблюдение диктата эволюции было бы основой субъективного благополучия, то большинство мужчин видели бы своей главной целью в жизни делать ежедневный вклад в местный банк спермы. В конце концов, с точки зрения человеческих генов нет и не может быть ничего более значимого, чем порождение тысяч детей без принятия на себя любых связанных с этим затрат или обязанностей. Но наш разум не просто подчиняется логике естественного отбора. В действительности любой, кто носит очки или использует солнцезащитный крем, признал свое нежелание жить жизнью, которую создали для него его гены. В то время как мы унаследовали множество побуждений, которые, вероятно, помогли нашим предкам выжить и воспроизвести потомство в небольших

племенах охотников-собирателей, большая часть нашей внутренней жизни является откровенно несовместимой с достижением счастья в сегодняшнем мире. Некоторым людям нелегко противостоять искушению начинать каждый день с нескольких булочек и заканчивать изменой своей супруге, и это легко понять с эволюционной точки зрения, однако очевидно имеются лучшие способы достичь полного и стабильного благополучия. Наши представления о том, что является «хорошим», а что «плохим», будучи полностью ограничены нашей нынешней биологией (а также ее будущими возможностями), не могут просто сводиться к инстинктивным побуждениям и эволюционным императивам. И это то, что я отстаиваю на страницах этой книги. Так же как с математикой, наукой, искусством и почти всем остальным, что нас интересует, — наши современные представления о смысле и морали перешагнули за барьеры, созданные эволюцией.

Важность убеждений

Человеческий мозг является двигателем убеждений. Наши умы постоянно потребляют, производят и пытаются интегрировать идеи по поводу нас самих и мира, которые претендуют на то, чтобы быть истиной: Иран разрабатывает ядерное оружие; сезонный грипп может распространяться через случайные контакты; седина делает меня импозантней. Что мы должны предпринять, чтобы поверить таким утверждениям? Что, другими словами, должен сделать наш мозг, чтобы принять такие утверждения как правдивые? Этот вопрос обозначает пересечение во многих областях: в психологии, науке о мозге, философии, экономике, политических науках и даже юриспруденции²².

Убеждение также соединяет края пропасти между фактами и ценностями. Мы формируем убеждения по поводу фактов: и убеждение в этом смысле составляет большую часть того, что мы знаем о мире — через науку, историю, журналистику и проч. Но мы также формируем убеждения по поводу ценностей: суждения по поводу морали, смысла, личных стремлений и более широких жизненных целей. Они могут отличаться в некоторых аспектах, но все же убеждения в этих двух областях обладают очень важными общими чертами. Оба типа убежде-

ний формируют подразумеваемые утверждения по поводу того, что является правильным, а что нет: утверждения не просто по поводу того, что мы думаем и как себя ведем, а по поводу того, как нам надо думать и как себя вести. Основанные на фактах убеждения, такие как «вода на две части состоит из водорода и на одну из кислорода», и этические убеждения, такие как «жестокость неправильна», не являются выражениями простого предпочтения. Действительно верить в то или иное утверждение также означает, что нужно верить в то, что вы приняли его в силу разумных причин. Следовательно, нужно верить, что вы соответствуете некоторым нормам — что вы в здравом уме, рациональны, не лжете себе, не озадачены и не сбиты с толку, не слишком предубеждены и проч. Когда мы убеждены, что что-то является правдой с фактической точки зрения или морально правильно, мы также убеждены, что другой человек в аналогичных обстоятельствах должен разделять наше убеждение. Представляется маловероятным, что это можно изменить. В главе 3 мы увидим, что как логические, так и нейрофизиологические качества убеждения предполагают, что разделение между фактами и ценностями является иллюзорным.

Плохая жизнь и хорошая жизнь

Для того чтобы подкрепить мои аргументы в отношении морального ландшафта, я думаю, что нужно сделать два допущения: 1) некоторые люди живут лучше, нежели другие, и 2) эти различия связаны некоторым законосообразным и не полностью случайным образом с состоянием человеческого мозга и с состоянием мира. Чтобы сделать эти допущения менее абстрактными, рассмотрим два обобщенных типа жизни, которые лежат где-то около экстремальных значений континуума хорошей и плохой жизни:

Плохая жизнь

Вы — вдова, вся ваша жизнь прошла во время гражданской войны. Сегодня ваша семилетняя дочь была изнасилована и расчленена на ваших глазах. Что еще хуже, злоумышленником был ваш 14-летний сын, который был принужден к этому злодеянию под

угрозой мачете со стороны толпы находящихся под действием наркотиков солдат. Теперь вы бежите босиком через джунгли, и за вами гонятся убийцы. Это худший день в вашей жизни, но нельзя сказать, что он уж очень отличается от остальных дней: с самого момента вашего появления на свет ваш мир был театром жестокости и насилия. Вы никогда не учились читать, не принимали горячего душа и не перемещались за пределы зеленого ада джунглей. Даже наиболее удачливые люди, которых вы знали, могли иметь лишь временное облегчение состояния хронического голода, страха, апатии и смятения. К несчастью, вам очень не повезло даже по этим жестоким стандартам. Ваша жизнь была одним постоянным напряжением, а теперь она почти подошла к концу.

Хорошая жизнь

Вы замужем за самым любящим, интеллигентным и восхитительным человеком, которого вы когда-либо встречали. Вы оба построили карьеру, которая интеллектуально стимулирует вас и финансово вознаграждает. В течение десятилетий ваше богатство и социальные связи позволяют вам посвящать себя деятельности, которая приносит вам огромное личное удовлетворение. Одним из величайших источников вашего счастья всегда был поиск творческих способов помочь людям, не столь удачливым в жизни, как вы. И вы только что получили грант на миллиард долларов, который нужно потратить на пользу детям развивающихся стран. Если бы вас спросили, вы бы сказали, что невозможно вообразить, как еще лучше можно было бы прожить жизнь на этой земле. Благодаря комбинации хороших генов и оптимальных обстоятельств вы и ваши близкие, друзья и семья проживете очень долгую и здоровую жизнь, вас не затронут преступления и внезапные тяжелые утраты и другие несчастья.

Примеры, которые я выбрал, будучи обобщенными, являются тем не менее реальными, — некоторые человеческие существа, вероятно, живут именно так прямо сейчас. Несомненно, можно расширить этот

спектр страданий и счастья, но я думаю, что эти случаи показывают спектр жизненных ситуаций, который, в принципе, доступен большинству из нас. Я также думаю, бесспорно, что большинство из того, что мы делаем в жизни, является несколько не менее важным, по крайней мере, для нас самих и наших близких, чем разница между плохой жизнью и хорошей жизнью.

Позвольте мне просто признать, что если вы не видите разницы между этими двумя жизнями — то есть вы не можете сказать, которая представляет собой предпочтительную (смотри допущение 1, приведенное выше), то, скорее всего, ничто не привлечет вас к моим взглядам на моральный ландшафт. Также если вы признаете, что эти две жизни различны и что одна из них очевидно лучше, чем другая, но вы убеждены, что эти различия не связаны законосообразно с человеческим поведением, социальными условиями или состояниями мозга (допущение 2), тогда вы также не увидите смысла моей аргументации. Я сам не вижу, как можно сознательно сомневаться в допущениях 1 или 2, однако мой опыт обсуждения этих вопросов говорит о том, что я должен обратить внимание и на такой скептицизм, независимо от того, насколько он может показаться надуманным.

На самом деле есть люди, которые заявляют, что различие между плохой жизнью и хорошей жизнью им безразлично. Я даже встречал людей, которые доходят до того, что отрицают, что такая разница существует. В то время как они признают, что мы по привычке говорим и действуем так, как будто существуют состояния, которые можно описать такими словами, как «страдание», «ужас», «агония», «сумасшествие» и т. д. на одном конце спектра и «благополучие», «счастье», «мир», «блаженство» и т. д. на другом, когда беседа обращается к философским и научным вопросам, такие люди говорят заученные вещи, например «но, конечно, именно так мы и играем в нашу игру в слова. Это не означает, что в реальности имеют место различия». Будем надеяться, что эти люди принимают трудности жизни стоически. Они также время от времени используют такие слова, как «любовь» и «счастье», интересно, означают ли эти термины что-то

такое, что не предусматривает предпочтения хорошей жизни перед плохой. Любой, кто заявляет, что не видит разницы между этими двумя состояниями бытия (и их двумя несовместимыми мирами), должен точно так же отнести себя и тех, кого он «любит», к одному или другому состоянию и назвать результат «счастьем».

Спросите себя: если разница между плохой жизнью и хорошей жизнью для человека ничего не значит, то имеет хоть что-нибудь для него значение? Мыслимо ли, что что-то может значить для человека больше, чем эта разница, обозначенная на самой длинной шкале? Что бы мы подумали о человеке, который сказал бы: «Ну да, я мог бы обеспечить все семь миллиардов хорошей жизнью, но у меня были другие приоритеты». Возможно ли иметь другие приоритеты? Разве любой реальный приоритет не будет лучше реализован, чем среди свободы и возможностей, которые предоставляет хорошая жизнь? Даже если бы вы оказались мазохистом, все мысли которого о пытке с помощью мачете, разве не было бы ваше желание удовлетворено наилучшим образом в контексте хорошей жизни?

Вообразите человека, который тратит всю свою энергию на то, чтобы подвинуть как можно больше людей к плохой жизни, в то время как другой человек с таким же рвением старается компенсировать этот ущерб и подвинуть людей в противоположном направлении: возможно ли, что вы или кто-либо другой мог бы не заметить разницы деяний? Возможность ли перепутать их или мотивы, которые лежат в их основе? И не будут ли с необходимостью существовать объективные условия для этих различий? Если, например, чья-то цель заключается в том, чтобы создать для всего человечества хорошую жизнь, не найдутся ли более или менее эффективные способы, чтобы это сделать? Как вписывается в эту картину принуждение мальчиков к насилованию и убийству своих родственниц?

Я не буду на этом останавливаться подробно, однако этот момент критически важен: и среди образованных людей распространено мнение, что либо такие различия не существуют, либо они слишком переменчивы, комплексны, культурно уникальны, чтобы вынести обобщенное ценностное суждение. Однако в тот момент, когда человек заявляет, что есть разница между плохой жизнью и хорошей жизнью,

которая закономерным образом соотносится с состоянием человеческого мозга, поведением, состоянием мира, он допускает, что имеются правильные и неправильные ответы на вопросы морали. Чтобы полностью закрепить данное положение, разрешите мне рассмотреть еще несколько возражений:

Что, если, будучи рассмотренной в некотором более широком контексте, плохая жизнь в действительности лучше, чем хорошая жизнь — например, что, если эти солдаты-подростки будут счастливее в какой-то последующей жизни, потому что они очистятся от грехов или потому что научатся обращаться к Богу, называя Его правильное имя, в то время как люди, ведущие хорошую жизнь, будут подвергнуты мукам в некотором физическом аду на вечные времена?

Если вселенная действительно организована таким образом, то большая часть того, во что я верю, будет скорректирована в Судный день. Однако мое базовое представление о связи между фактами и ценностями не будет подвергнуто сомнению. Вознаграждения и наказания в последующей жизни просто изменили бы временные характеристики морального ландшафта. Если плохая жизнь на самом деле лучше в конечном итоге, чем хорошая жизнь, — потому что она приносит вам бесконечное счастье, в то время как хорошая жизнь дает просто небольшое количество удовольствий, предшествующее вечности страданий, — тогда плохая жизнь очевидно становится лучше, чем хорошая жизнь. Если бы вселенная была устроена именно таким образом, мы были бы морально обязаны организовать надлежащим образом набожную и плохую жизнь для максимально большого количества людей. Но даже и при этой схеме все еще существовали бы правильные и неправильные ответы на вопросы морали, и они по-прежнему оценивались бы в соответствии с опытом сознательных созданий. Единственное, что осталось неясно, — это насколько разумно полагать, что вселенная может быть структурирована настолько неестественным образом. Это совершенно неразумно, я думаю, однако, это уже про другое.

Что, если некоторые люди в действительности предпочли бы плохую жизнь хорошей? Возможно, имеются психопаты и садисты, которые хотят процветания в контексте плохой жизни и будут наслаждаться не чем иным, как убийством других людей мечете.

Проблемы такого рода ставят вопрос, как мы должны оценивать иные мнения. Идея Джеффри Дамера о жизни, которую нужно прожить хорошо, заключалась в том, чтобы убивать молодых людей, иметь сексуальное сношение с их трупами, расчленять их и сохранять части их тела в качестве сувениров. Мы столкнемся с проблемой психопатии более подробно в главе 3. На данный момент кажется достаточным отметить, что в любой области знаний мы свободны сказать, что отдельные мнения не имеют значения. В действительности мы должны сказать это в отношении знаний и опыта. Почему это должно быть по-другому в вопросах человеческого благополучия?

Любой, кто не видит, что хорошая жизнь является предпочтительней, чем плохая, вряд ли внесет что-либо полезное в обсуждение человеческого благополучия. Должны ли мы действительно заявить, что милосердие, доверие, творчество и прочее, которыми человек наслаждается в контексте процветающего гражданского общества, лучше, чем ужасы гражданской войны, которая ведется в парящих джунглях, полных агрессивными насекомыми, переносящими опасные патогенные микробы? Я так не думаю. В следующей главе я стану утверждать, что любой, кто серьезно поддерживает прямо противоположное или даже считает, что противоположное может соответствовать действительности, — либо неправильно использует слова, либо не стремится рассмотреть детали.

Если бы завтра мы обнаружили новое племя в дельте Амазонки, то ни один ученый не предположил бы априори, что эти люди должны получать удовольствие от крепкой физической формы или материального благополучия. Скорее, мы бы задали вопросы о средней продолжительности жизни людей этого племени, о числе потребляемых в день калорий, о проценте женщин, которые умирают при родах, о распространенности инфекционных заболеваний, о материальной

культуре и прочее. Такие вопросы имели бы ответы, и ученые, скорее всего, обнаружили бы, что жизнь в первобытном обществе не столь уж однозначна. И тем не менее новость, что эти веселые люди получают удовольствие от того, что приносят своих первых детей в жертву их воображаемым богам, подвигла бы многих антропологов (даже большинство из них) к тому, чтобы сказать, что это племя находится во власти другого морального кода, несколько не менее обоснованного и непреодолимого по отношению к любым ниспровержениям, чем наши нормы. Однако, проводя связь между системой морали и благополучием, это равносильно тому, что сказать: члены этого племени настолько же самореализованы, психологически и социально, как и любые люди на земле. Несоответствие между тем, что мы думаем о физическом здоровье и что — о ментальном/социальном здоровье, вскрывает дикий двойной стандарт: мы исходим из того, что мы вообще ничего не знаем — или, скорее, мы притворяемся, что ничего не знаем — о человеческом благополучии.

Конечно, некоторые антропологи отказались последовать за коллегами «через перевал». Роберт Эдгертон провел подробное критическое исследование мифа о «благородных дикарях», детально поведав о том, как наиболее влиятельные антропологи в 20-х и 30-х годах прошлого века, такие как Франц Боас, Маргарет Мид и Рут Бенедикт, систематически преувеличивали гармонию племенных сообществ и игнорировали частые проявления их варварства или рефлексивно относили это варварство к пагубному влиянию колонизаторов, торговцев, миссионеров и прочего подобного люда²³. Эдгертон детально описывает, как эта песня о «простой разнице» задает направление для целой научной области. После этого начали считать невозможным сравнение различных обществ с точки зрения системы морали. Вернее, появилось убеждение, что человек может только надеяться понять и принять культуру по ее собственным правилам. Такой культурный релятивизм настолько укрепился, что к 1939 году один выдающийся гарвардский антрополог написал, что это сомнение в суждениях было «вероятно, наиболее значимым вкладом, который антропологические исследования сделали в общее познание»²⁴. Давайте надеяться,

что это не так. В любом случае этот «вклад» — как страшный сон, от которого мы все еще стараемся очнуться.

Многие ученые в области социальных наук неверно полагают, что все давно существующие человеческие практики должны хорошо адаптироваться в процессе эволюции: а иначе как еще они могут сохраняться? Таким образом, даже наиболее странные и непродуктивные модели поведения — удаление женских гениталий, кровная вражда, детоубийство, пытки животных, нанесение шрамов, тугое бинтование ступней, каннибализм, церемониальное изнасилование, принесение человеческих жертв, опасные инициации мужчин, ограничение диеты беременных женщин и кормящих матерей, рабство, убийство пожилых людей, сати (существовавший у некоторых высших индийских каст обычай самосожжения вдов на погребальном костре мужа; запрещен в 1829. — *Прим. пер.*), нерациональные табу в диете и сельском хозяйстве, сопровождаемые хроническим голодом и недостаточным питанием, использование тяжелых металлов для лечения болезней и т. д. — были объяснены или даже идеализированы в освященных огнем скрижалях того или иного ослепленного этнографа. Но само по себе длительное существование системы верований или традиций не предполагает, что они являются адаптивными и уж тем более разумными. А просто говорит о том, что эта система не привела общество непосредственно к краху и не истребило полностью людей, практикующих эти обычаи.

Очевидное различие между генами и мемами также важно держать в поле зрения. Последние доводятся до людей через коммуникацию; они не путешествуют с половыми клетками своих человеческих хозяев. Выживание мемов, следовательно, не зависит от того, несут ли они некоторые реальные выгоды (репродуктивные или иные) индивидам или группам. Вполне возможно, что люди долгие века передают такие идеи и другие продукты культуры, которые уменьшают их благополучие.

Очевидно, что люди могут принять образ жизни, который без нужды подрывает их физическое здоровье, — средняя продолжительность жизни во многих примитивных обществах едва ли составляет треть от продолжительности жизни в развитом мире, начиная с сере-

дины XX века²⁵. Почему же не столь очевидно, что невежественные и обособленно живущие люди могут подрывать свое психологическое благополучие или что их социальные институты могут стать двигателями бессмысленной жестокости, отчаяния и суеверий? Почему же не вообразить, что некоторое племя или сообщество может сохранять представления о реальности, которые не только ложны, но и очевидно вредоносны?

Каждое общество, которое когда-либо существовало, вынуждено было ограничивать и подавлять определенные аспекты человеческой природы — зависть, захват территории, алчность, обман, лень, жульничество и прочее — посредством социальных механизмов и институтов. Было бы чудом, если бы все сообщества — независимо от их размера, географического расположения, места в истории или геномов их членов — смогли бы сделать это одинаково эффективно. И тем не менее преобладающая тенденция к культурному релятивизму предполагает, что такое чудо случалось не то что однажды, а повсеместно.

Давайте возьмем паузу, чтобы уточнить наши подходы. С фактической точки зрения, возможно ли верить в неправильные вещи? Да. Возможно ли ценить неправильное (то есть ошибаться в том, что составляет человеческое благополучие)? Я утверждаю, что ответ на этот вопрос — справедливо эмоциональное «да» и, следовательно, что наука должна все чаще «открывать» наши ценности. Возможно ли, что определенные люди не способны желать то, чего они должны желать? Конечно, так же как всегда будут существовать люди, которые не способны постичь определенные факты или уверовать в определенные истинные утверждения. Так же как и с любым другим описанием умственной способности или неспособности, в конечном итоге дело упирается в человеческий мозг.

Может ли страдание быть хорошим?

Очевидно, что подъем по склонам морального ландшафта может вызывать страдания и негативные социальные эмоции, такие как чувство

вины и негодования. Аналогия с физическим здоровьем опять кажется полезной: мы вынуждены время от времени испытывать некоторые неприятности — лечение, операции и проч., — чтобы избежать еще больших страданий или смерти. Этот принцип, кажется, мы принимаем. Простое обучение чтению или новому виду спорта может вызвать чувство глубокого раздражения. И тем не менее нет сомнений, что приобретение новых навыков в целом улучшает нашу жизнь. Даже периоды депрессии могут привести к принятию более качественных жизненных решений и к творческим озарениям²⁶. Похоже, что именно так работает наша психика. Пусть все так и остается.

Конечно же этот принцип применим к цивилизации в целом. Сами по себе необходимые улучшения в городской инфраструктуре приносят большие неудобства миллионам людей. И непредсказуемые последствия всегда возможны. Например, наиболее опасная дорога на земле — это двухполосное шоссе между Кабулом и Джелалабадом. Когда дорога была грунтовой, испещренной выбоинами и посыпанной галькой, она была сравнительно безопасной. Но после того, как стремящиеся ко благу западные строители улучшили ее, навыки управления автомобилем у местного афганского населения были, наконец, освобождены от законов физики. Многие так и стараются обогнать медленно ползущие грузовики на слепых поворотах, только для того чтобы обнаружить перед собой смертельно обрывающееся тысячефутовое ущелье²⁷. Есть ли уроки, которые нужно усвоить из неверных шагов во имя прогресса? Конечно. Но они не опровергают реальность прогресса. Разница между хорошей жизнью и плохой жизнью не может быть еще яснее: вопрос, как для отдельных индивидов, так и для групп, заключается в том, как надежно двигаться в одном направлении и избежать движения в другом?

Проблема религии

Любой, кто желает понять мир, должен быть открыт к новым фактам и новым доказательствам, даже по тем вопросам, по которым личные взгляды очень хорошо устоялись. Аналогичным образом, каждый, кто действительно задумывается о морали — о принципах поведения, ко-

торые позволяют людям процветать, — должен быть открыт новым фактам и доказательствам в вопросах счастья и страдания. Ясно, что основным врагом открытого обсуждения является догматизм во всех его проявлениях. Догматизм — это широко признанное препятствие на пути научных рассуждений, и тем не менее, поскольку ученые не могли даже представить, что должны бы давать некие инструкции по вопросам ценностей, все еще считается, что догматизм играет значительную роль в вопросах как истины, так и добродетели под знаменами религии.

Осенью 2006 года я участвовал в трехдневной конференции в Институте Солка под названием «За пределами веры: наука, религия, смысл и выживание». Эта конференция была организована Роджером Бингхэмом и проводилась в виде пленарного заседания перед аудиторией из приглашенных гостей. В качестве выступающих участвовали Стивен Вайнберг, Харолд Крото, Ричард Докинз и многие другие ученые и философы, которые были и остаются энергичными оппонентами религиозного догматизма и суеверий. В конференц-зале собрались грамотные и высокоинтеллектуальные люди — молекулярные биологи и антропологи, физики и инженеры, — и тем не менее, к моему изумлению, трех дней было недостаточно, чтобы достигнуть согласия по простому вопросу: есть ли вообще какой-либо конфликт между религией и наукой. Представьте конференцию альпинистов, которые не в состоянии договориться по поводу того, предусматривает ли их спорт подъем на гору, и вы поймете, насколько странными могут показаться наши обсуждения.

На конференции в Солке я стал свидетелем, как ученые дали возможность прозвучать одному из наиболее бесчестных оправданий религии, которое я когда-либо слышал. Одно дело, когда вам говорят, что папа — непревзойденный поборник благоразумия и что его противостояние исследованиям в области эмбриональных стволовых клеток является и морально обоснованным, и совершенно незапятнанным религиозным догматизмом, и совершенно другое, когда это заявление делается физиком из Стэнфорда, который является членом Президентского совета по биоэтике²⁸. В продолжение работы данной конференции я имел удовольствие услышать, что Гитлер, Сталин и Мао

были примерами доведенного до абсурда атеистического мышления, что исламская доктрина мученичества и джихада не является причиной исламского терроризма и что людей никогда нельзя будет разубедить в их верованиях, потому что мы живем в иррациональном мире, что наука не сделала (и не может сделать) никакого важного вклада в нашу этическую жизнь и что не дело ученых преуменьшать значение древних мифологий и таким образом «отнимать у людей надежду». И все это — из уст ученых-атеистов, которые, настаивая на своем собственном скептическом упорстве, были одинаково тверды в том, что имелось что-то безответственное и безрассудное, даже бесчестное в том, чтобы критиковать религиозные верования. Было несколько моментов во время этих панельных дискуссий, когда на ум приходила финальная сцена из «Вторжения похитителей тел»: люди, которые выглядели как ученые, публиковали свои работы как ученые и вскоре собирались вернуться из конференц-зала в свои лаборатории, тем не менее позволяли звучать чуждому свисту религиозного обскурантизма при малейшем толчке. Прежде я полагал, что линия фронта нашей войны за культуру проходит перед входом в мегацерковь (так в США называют протестантские церкви с числом прихожан более 2000. — *Прим. пер.*). Теперь я осознал, что мы должны вести огромную работу еще в глубоких тыловых траншеях.

Я где-то уже приводил пример, что религия и наука находятся в конфликте с нулевой суммой в отношении фактов²⁹. Здесь я начинаю утверждать, что разделение между фактами и ценностями является интеллектуально неустойчивым, особенно с точки зрения перспектив нейронауки. Следовательно, не будет сюрпризом, что я практически не вижу пространства для компромисса веры и научного мышления по вопросам морали. Пусть религия не является главным фокусом внимания этой книги, скажем, что любая дискуссия об отношениях между фактами и ценностями, природой верований и ролью науки в общественном дискурсе должна постоянно идти под тяжестью религиозного мнения. Я исследую конфликт между религией и наукой более подробно в главе 4.

Однако нет тайны в том, почему многие ученые считают, что должны притворяться, что религия и наука являются совместимыми. Мы

только недавно выбрались, кто-то — в один прыжок, кто-то — тихим шагом, а кто-то и ползком, из долгих темных веков религиозного замешательства и гонений и вошли в эпоху, когда с развитой наукой все еще время от времени обращаются со скрытой враждебностью, не только общество в целом, но даже и правительства³⁰. Конечно, мало ученых, ныне живущих на Западе, боятся пыток или смерти в руках религиозных фанатиков, однако многие будут обеспокоены возможностью потери финансирования, если они оскорбительно выскажутся в адрес религии, особенно в США. Кажется также, что в условиях относительной бедности науки богатые организации, такие как Templeton Foundation (чей фонд в настоящий момент составляет 1,5 млрд долларов), сумели убедить некоторых ученых и научных журналистов, что имеет смысл различить интеллектуальную честность и фантазии предыдущих эпох.

Поскольку не существует легкого лекарства от социального неравенства, многие ученые и общественные интеллектуалы убеждены, что большую часть человечества лучше всего держать под наркозом религиозных заблуждений. Многие декларируют, что, в то время как можно прекрасно обойтись без воображаемого друга, большинство человеческих существ всегда будут нуждаться в вере в Господа. По моему опыту, люди, которые придерживаются этого мнения, не замечают, насколько все это выглядит снисходящим, лишенным воображения и пессимистическим для остальной части человечества — и для будущих поколений.

Расплата — социальная, экономическая, связанная с окружающей средой и геополитикой, которая последует из этой стратегии милосердного небрежения, не заставила себя ждать: она варьирует от личного лицемерия до общественной политики, без нужды подрывая здоровье и безопасность миллионов. Тем не менее многие ученые беспокоятся, что религиозные верования людей подвергаются критике, они полагают, что это может стать причиной войны идей, которую наука не сможет выиграть. Я убежден, что они не правы. Более важно то, что мы со временем потеряем саму возможность выбора в этом вопросе. Конфликты с нулевой суммой имеют обыкновение становиться явными.

Итак, если базовые положения религии являются истинными, то научное представление об окружающем мире настолько ограничено и настолько подвержено влиянию сверхъестественного, что начинает выглядеть нелепо; если базовые положения религии являются ложными, большинство людей глубоко заблуждаются относительно природы реальности, поставлены в тупик иррациональными надеждами и страхами, теряя драгоценное время и внимание — часто с трагическими результатами. Право, действительно ли существует эта дихотомия, где наука может заявлять о своем нейтральном положении?

Почтительное отношение и снисхождение большинства ученых к этим вопросам являются частью более крупной социальной проблемы: люди не склонны высказываться честно в отношении природы верований, в отношении невероятной пропасти между наукой и религией как модусов мышления или в отношении реальных причин, изменяющих мораль. Что бы ни было верным в отношении нас, этически и духовно, это можно понять здесь и теперь и об этом можно говорить, не вступая в противоречие с нашим растущим пониманием мира. Какой смысл привязывать наиболее важные характеристики нашей жизни к заявлениям об уникальной святости древних книг или к слухам о древних чудесах, которые вносят раскол между людьми. Нет никаких сомнений: то, как мы говорим о человеческих ценностях — и как мы изучаем или не изучаем соответствующие феномены на уровне мозга, — будет иметь глубокое влияние на наше коллективное будущее.